

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

**КЛАССИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
В НЕКЛАССИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2008**

О ГРАНИЦАХ УНИВЕРСИТЕТА

Б.Н. ПОЙЗНЕР, Э.А. СОСНИН

Классический университет возникал как минимум трижды. Впервые – во второй половине V в. до н.э. как школа софистов в Афинах [1, с. 78]. Позднее, в 533 г., – в форме Академии Гондишапура (на юге Ирана) [2, с. 79–99]. И вновь – в конце XII в. – из старых образовательных центров: в Болонье (1158), Париже (1200), Оксфорде, Монпелье [3, с. 544–552]. Университет – весьма совершенное социальное изобретение, которое устойчиво самовоспроизводится в разнообразном социокультурном окружении. Дискуссия о критериях «классичности» не может не выйти на вопрос о границах между ним и спецификой культуры, в которой он находит себя в каждое конкретное историческое время.

Что касается отечественного университета, то его расцвет пришёлся на финал русского культурного ренессанса, т.е. на рубеж XIX–XX вв. (обычно называемый неоднозначным термином «Серебряный век»). Этот период возрождения стал стимулом – и кульминацией – развития отечественного классического университета, а он, в свою очередь, укреплял социальную базу ренессанса.

Русское возрождение и классический университет решали общую, тогда никем не артикулированную сверхзадачу консолидации «пойкилокультурной» империи (от др.-греч. ποικίλος – пёстрый, разнообразный). В огромной стране то потаённо, то явно проявлялась тенденция к дезинтеграции, к мятежной дезорганизации. Бесспорно, среди двигателей этой тенденции – разношёрстные субкультуры: этнические, религиозные, территориальные и локальные субкультуры. В идеале это – «цветущая сложность» (К.Н. Леонтьев), очарование империи. Но в действительности – предпосылка к разобшению, к разлому социальной конструкции по субкультурным членениям и «швам».

Официально интеграция разнородных субкультур была возложена на Русскую православную церковь. Первая мировая война означала *fiasco*, которое потерпела интеграционная миссия христианства в Европе. Аналогично, ожесточённая гражданская война в России и последующие события в ней знаменовали провал консолидирующей стратегии русского православия. Выявляя причины слабости (до)революционного общества, Ф.А. Степун утверждал: победа большевиков «доказывает немаловажное – что ещё в двадцатом столетии мифы являются силой, образующей историю» [4, с. 95].

С первых шагов русского ренессанса, символ которого – Пушкин и его творчество, соперником церкви на поприще духовного объединения народов России становится наша классическая литература и – шире – русский язык. Так, у Андрея Белого главное действующее лицо «Серебряного голубя» (1909) наделяет «крепкие, смольные русские слова» чуть ли не харизмой, определяя их значение ёмким неологизмом «духомётные». Герой убеждён: «<...> если ты русский, будет у тебя красная на душе тайна, и что липкая смола твоё духомётное слово; виду у него нет, а привязывается, и дух от слова идёт благодатный, приятный <...>» [5, с. 562–563].

В ренессансно-интеграционном контексте миссию университета естественно связать с феноменом петербургского аполлинизма. По выражению В.Н. Топорова, апол-

линизм – воплощается в принципе наиболее совершенной организации, чувстве меры, гармонии, в жанрах художественного, в *ratio*, (само)познании, самоопределении, самоконтроле [6, с. 7–9, 236]. Но в мифе у Аполлона есть противник – дракон Пифон (Πύθων) – олицетворение тьмы, хтонических сил (от др.-греч. χθονίος – земной, туземный). Александр Блок уже в начале 1918 г. распознал наступление «пифонической» эпохи. Пожалуй, нынче её «brand» – антиинтеллектуализм.

Насколько можно судить, между дореволюционным университетом и пойкилокультурным обществом лежала граница, подобная очищающему фильтру либо биологической мембране: она была почти непроницаема для культурного воздействия полу- и необразованной массы, находившейся снаружи. Наоборот, выходя из простого народа, попадая в орбиту университетской жизни и принимая дотоле неизвестные им нормы, изменялись в ценностном, мировоззренческом и других отношениях. Из мемуаров известно, что стимулом такой метаморфозы были импозантные фигуры профессоров и университетская атмосфера, определяемая их присутствием. Недаром в те годы в аристократических и образованных кругах бытовала дефиниция: интеллигент – это сын сапожника, окончивший университет. Словное высокомерие парадоксально сочеталось с пиететом перед университетом. Значит, университет обладал метаболическим потенциалом (от др.-греч. μεταβολή – перемена; изменчивость), что позволяло «переварить» и облагородить простолюдина, а не только обучить его профессии.

Среди ярких деятелей русского ренессанса доля таких фигур показательно велика. Так, Питирим Сорокин, родившийся в крестьянской семье в 1889 г. («среди народа коми, или зырян» [7, с. 11]), блестяще завершил обучение в Петербургском университете, был оставлен при нём для «приготовления к профессорскому званию». В качестве магистерской диссертации он написал труд «Преступление и кара, подвиг и награда» (1913) [7, с. 64, 68], до сих пор остающийся классическим. Закономерно, что позднее в «Системе социологии» П.А. Сорокин разработал положение: образование есть социальный лифт, поднимающий индивида в более высокую страту.

Заслуга той профессуры – критика и неприятие побочных продуктов ускоряющейся социальной эволюции. Воздвигалась незримая «санитарная» граница, которая изолировала университет от общества, насыщавшегося цивилизационными отходами и культурными отбросами. Потому-то университет мог развиться – *de nihilo* – полноценную и плодотворную личность. Классический университет реализовал гуманистический императив русского возрождения: повышать «акции личности в истории». Экономическую метафору человеческой ценности мы заимствуем у О. Мандельштама. Подводя итоги русской революции, мировой и гражданской войны, поэт – вслед за А. Блоком – констатировал смену ценностной парадигмы, т.е. приход неклассического времени. Вот его главная примета: «<...> когда мы вступили в полосу могучих социальных движений, массовых организованных действий, <...> акции личности в истории падают <...>» [8, с. 273].

С этого времени начинается интервенция массовой культуры в университет. А каков в наши дни университет на Западе? Обратимся к американскому лингвисту Ноаму Хомскому. Его лекция в Университете Сиены посвящена субъектам «сознательного и хитроумного манипулирования организованными привычками и мнениями масс». Он критикует образовательно-воспитательную функцию университета: «Манипулирование мнением – это обязанность СМИ, профессиональных журналов, школ, университетов и вообще образованных классов. Задача манипулирования привычками и поведенческими установками выпадает на долю популярного искусства, рекламы и огромной индустрии пиара. Её цель, пишут лидеры бизнеса, – “упразднить вековые обычаи”». Тем самым, простодушных людей принуждают сосредотачивать внимание на «поверхностных вещах, которые составляют большую часть по-

требительской моды». В итоге люди принимают «свою бессмысленную и подчинённую жизнь». Отказываясь от самостоятельности, они доверяют свою судьбу «умным меньшинствам, секулярному священству, которые служат власти и реализуют власть <...>» [9, с. 263–264]. Они и царили в советских университетах.

Но справедлива ли для современной ситуации в России оценка роли университета, данная Н. Хомским? Допустим, что нет. Допустим, что имеется барьер, труднопреодолимая граница между сферой, где производят, пропагандируют, транслируют всевозможные продукты массовой культуры, и пространством, в котором строится работа университета, «сублимирующая» плебс. Если констатация Н. Хомского к нам не относится, значит, современный университет – некое антигело в общественном организме, которое эффективно вырабатывает иммунитет против деятельности любых манипулятивных корпораций. Однако в реальном университете слишком мал культурный градиент между контингентом преподавателей и носителями массового сознания. Идущая капитализация образования придаёт отношениям педагога со студентом клиентальный характер. А по законам рыночной конкуренции клиенту надо угождать... В чём стратегический просчёт современного российского университета, объявляющего себя классическим? Возможно, в том, что он не обращается на деле к традиции петербургского аполлинизма, не выступает в обществе как воинствующий и квалифицированный оппонент массовой культуры, не критикует её производителей, распространителей, потребителей.

Стоит ли удивляться, что в российском университете «пифоническое» начало преобладает над культом Аполлона? Вспомним, какое поражение русскому возрождению, а заодно и петербургскому аполлинизму нанесла Октябрьская революция. Она повлекла сеть социокультурных катастроф. 1922 год, когда большевики наладили экспорт отечественных учёных (пароходами в Германию), видится временной границей. За ней остался университет, который вскоре в качестве одной из своих форм имел большевицкую «пролетаризацию вузов». Старые кадры стали вытесняться. А там пошли в университет любые фигуры, угодные партийной власти. Самовоспроизводство доброкачественной профессуры расстроилось. *Οχλος* занял студенческие скамьи. В вечном поединке Пифон стал теснить Аполлона. У остатков профессуры нашлись ученики, обеспечившие успехи науки в 1940–1950-е гг. Но ученики учеников утратили дореволюционную традицию, и университет превратился в суррогатную *alma mater*.

С конца 1950-х гг. осязаемый признак (и фактор) потери метаболического потенциала – разрушение *лингвистической* границы между университетом и улицей. Конечно, это явление носило весьма масштабный и необратимый характер. На его истоки указывает М.О. Чудакова: «Давно состоявшаяся у миллионов выходцев из деревни замена исконной речи тем, что Зоценко назвал в середине 20-х годов «обезьяним языком», стала сказываться и на речевом поведении *других слоёв* населения» [10, с. 498]. Показатель антиинтеллектуализма в университете наших дней – его «отлучение от слова», «отлучение от истории». Согласно логике О. Мандельштама, отлучение есть срыв в нигилизм [11, с. 222]. За полвека лексика и дискурс преподавателя приблизились к бытовому просторечию, клише, размножаемым СМИ. И это – не вкусовой плюрализм: ведь отсутствует полюс высокой нормы. А косноязычие студентов реципрочно ослабляет их мышление.

Вернуть метаболические возможности университету мешает неблагоприятный культурно-исторический фон, который «играет на понижение» акций человека. Во-первых, очередная смена доминанты картины мира, знаменательная тем, что осуществилось самовыдвижение человека в центр картины мира или даже вторжение его туда [12]. Во-вторых, почти одновременно идёт дрейф в сторону «предельных антропологических проявлений». Согласно С.С. Хоружему, оно взаимно усугубляется свободной активностью «Человека, саморазвёртывающегося и самореализую-

шегося» [13, с. 8]. В-третьих, прогресс в области коммуникаций и технологий суггестии делает молодого человека уязвимым перед интервенцией информационных систем. В-четвёртых, остро проявляются диверсификация самоускорение социокультурной эволюции, растёт влияние её побочных продуктов. Духовное оскудение России углублено отступлением книжной культуры – «под натиском ширпотреба» (И. Бродский), засильем кича в литературе и искусстве, нигилизмом демоса.

Но надо ли реставрировать «классичность» университета, восстанавливать дело аполлинизма? Успех маловероятен. От членов *universitas* требуется испытать эпистофический порыв (от др.-греч. ἐπιστροφή – обращение, поворот), стремление к целостности, к тому, что называют плеромой (др.-греч. πλήρωμα – полнота, множество). Категория ἐπιστροφή раскрывает способ бытия по отношению к более высокому началу. Возможно, тогда возник бы импульс к самоочищению университета. Мы имеем в виду гипотезу М.Н. Эпштейна: в основе жизни и культуры лежит самоочищение [14, с. 79].

А первый шаг, наверное, – «деидентификация», или растождествление, по К. Свасьяну, – «тяжёлая работа сознания, отдирающего от себя всё, что к нему прилипло; вахта негативного среди праздника простодушия и поддакивания. Если телега жизни начинает буксовать, а формы и способы понимания жизни выражаются коротким сигналом “o'кей”, то приходится, чтобы не потерять в себе человека, впрягать в неё волов, которые бы вытянули её из дерьма общезначимостей». Философский манифест К. Свасьяна заслуживает внимания. В частности, он призывает растождествляться «со всем, что есть общего в ассортименте привычек ума и воли, а главное, со всеми теми словами и представлениями, с которыми современному человеку приходится как раз отождествлять себя, чтобы иметь шанс на культурную и социальную прописку». Аполлинизму соответствует медицинская семантика у К. Свасьяна: растождествления – дезинфекция, дезинсекция, дезактивация сознания, запрограммированного автоматизмами, всё равно какими <...>» [15, с. 9].

Приучить человека к такой гигиене сознания всегда было творческим идеалом самоотверженных тружеников классического университета.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Марру А.-И.* История воспитания в античности (Греция). М., 1998. 426 с.
2. *Свасьян К.А.* Становление европейской науки. М.: Evidentis, 2002. 436 с.
3. *Словарь средневековой культуры* / Под ред. А.Я. Гуревича. М.: РОССПЭН, 2003. 623 с.
4. *Стенун Ф.А.* Ленин (1930) // Вопросы философии. 2002. № 8. С. 93–97.
5. *Белый А.* Серебряный голубь // Белый А. Соч.: В 2 т. Т. 1: Поэзия. Проза. М., 1990. С. 377–644.
6. *Топоров В.Н.* Из истории петербургского аполлинизма: его золотые дни и его крушение. М., 2004. 264 с.
7. *Сорокин П.А.* Дальняя дорога: Автобиография. М., 1992. 303 с.
8. *Мандельштам О.Э.* Конец романа // Мандельштам О.Э. Собр. соч. В 4 т. Т. 2: Стихи и проза 1921–1929. М., 1993. С. 271–275.
9. *Хомский Н.* Секулярное священство и опасности, которые таит демократия // Хомский Н. О природе и языке. М., 2005. С. 254–268.
10. *Чудакова М.О.* О советском языке и словаре советизмов (Тезисы) // Тыняновский сборник. Вып. 12: X–XI–XII Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. М., 2006. С. 491–503.
11. *Мандельштам О.Э.* О природе слова // Мандельштам О.Э. Собр. соч. в 4 т. Т. 1: Стихи и проза 1906–1921. М., 1993. С. 217–231.
12. *Пойзнер Б.Н., Соснин Э.А.* Смена доминанты картины мира с точки зрения теории самоорганизации // Порядок и хаос в развитии социально-экономических систем: Материалы 2-го научного семинара «Самоорганизация устойчивых целостностей в природе и обществе». Томск, 1998. С. 91–94.
13. *Хоружий С.С.* Очерки синергической антропологии. М., 2005. 406 с.
14. *Эпштейн М.Н.* Самоочищение. Гипотеза о происхождении культуры // Вопросы философии. 1997. № 5. С. 72–79.
15. *Свасьян К.* Растождествления. М., 2006. 536 с.